

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

Чугунов С.В.

Рассмотрена проблематика человека в философской системе Н.А. Бердяева.

В течение длительной эволюции философских взглядов Н.А. Бердяева, смены объектов философствования, неизменной оставалась главная установка философа: сделать свою философию сознательно антропологической. Философия, в представлении русского ученого, есть учение о духе, т.е. о человеческом существовании, в котором раскрывается смысл бытия. Она должна быть основана на духовном опыте; она субъективна, а не объективна. Поскольку наука изучает внешний мир, феномены, она не имеет никакого отношения к внутреннему душевному миру человека, который и является подлинным предметом философии. Философия может быть только “личной”, начинаться с размышления над “моей судьбой”, над “я”, она должна освободиться от внешнего для нее авторитета, как теоретического, так и практического. Только такая философия, антропологическая и антропоцентрическая, считает Н.А. Бердяев, сможет вывести себя как науку из кризиса и спасти человека.

Человек – это центр мира, судьба человеческой личности определяет судьбу мира. Человек и мир обогащают божественную жизнь, потому что бог с человеком есть нечто большее, чем бог без человека и мира. Человек является единственным носителем духа (духовным существом), носителем добра и красоты, реализующим высшую божественную правду. Он – высшая материальная структура (микрокосм), содержащая все элементы мира (макрокосма). Вселенная входит в человека, поддается его творческому усилию как малой вселенной.

Главным онтологическим началом в философии Н.А. Бердяева является свобода. Свобода, как считал русский философ, абсолютна, иррациональна и несоизмерима ни с какими другими категориями. Ее уникальность состоит в том, что она добытийственна и существует как нечто, представляющее субстанциональную силу, способную творить из ничего. Свобода – это “бездна”, она – основа бытия, из нее рождается Бог – творец, который в свою очередь рождает мир. Это утверждение – самое оригинальное в философии Бердяева – освобождает Бога от ответственности за зло, происходящее в мире. Таким образом, Бог остается всеблаг, но не всемогущ. Он не имеет власти, поскольку не имеет влияния на несотворенную свободу. Эта свобода сама дает (или не дает) согласие на вхождение в Царство Божие. Да и акт первотворения – это акт свободы, когда несотворенная свобода, согласилась на бытие. Человек же и есть творение Бога через

Премудрость, через Божью идею и вместе с тем дитя несотворений свободы, дитя небытия, бездны.

Н.А. Бердяев убежден, что свобода трагична; если она составляет сущность человека, то, следовательно, она выступает как обязанность; человек поработен своей свободой. Свобода – это ответственность человека за свои поступки, за свой выбор. Бердяев понимает свободу, как порождение страдания, отказываясь от нее, люди стремятся облегчить себе жизнь. В этом понимании свободы как долга, бремени, позиция Бердяева перекликается со взглядами Достоевского.

Человек двойственен; он и природа, органическое существо, и, с другой стороны, образ и подобие Бога, т.е. он не только личность, но и индивидуум. По Бердяеву, личность есть категория натуралистически-биологическая или, другими словами, как индивидуум человек – часть природы и общества, а как личность человек – целое, соотносительное обществу, природе и Богу, поскольку духовное начало в человеке не зависит от природы.

Бердяев считает, что человек сам по себе очень мало человечесен, он даже бесчеловечен. Человек не человек, а Бог. Это Бог требует от человека человечности. Совершенно также Бог требует, чтобы человек был свободен. Сам человек любит рабство и легко мирится с ним. Человек гораздо более реализует в себе образ звериный, чем образ Божий, но это не означает сходства со зверем. Ужасен не зверь, а человек, ставший зверем. Зверь никогда не доходит до падения, до какого доходит человек.

Падение человека – это его грех перед самим собой и Богом. Человек, вместо того, чтобы быть победителем, становится убийцей своей жизни, калеча ее выдуманными страстями, религиозными, национальными, социальными и уступительными страхами.

Философия свободы есть философия богочеловечества. Идея богочеловечества, характерная для русской философской мысли, восходит к христианскому учению о единстве божественной и человеческой природы Иисуса Христа. Человек ждет рождения в нем Бога. Бог ждет в нем рождения человека. Утверждение Бога вне богочеловечности, т.е. отвлеченный монотеизм, есть форма идолопоклонства, считает русский философ. Связь человека с Богом не природно-бытийственная, а духовно-экзистенциальная, глубинная. Если нет Бога, то нет тайны. Если нет тайны, то и нет полноты, вершины к которой стремится человек. Наоборот, нужно говорить, что перед Богом, в обращенности к Богу человек подымается, он побеждает страх, ничто.

Столь значительное место человека в мире определяется тем, что он является носителем добытийной свободы. Первенство человека в мире – его главная, т.е. абсолютная характеристика. Он, кроме того, экзистенциальный субъект, некая данность, собственно сознание, стремящееся к самоутверждению.

Это объясняет происхождение зла в мире и возможность творчества и новизны в нем. Подлинное бытие человека (экзистенция) первично любому возможному вне его бытию как природному, так и социальному. Этот мир объективирован, превращен в объект, материализирован экзистенцией. Поэтому мир человека есть объективированная его душевность. Каков дух человека, таков и его мир.

Реальность – ни что иное, как объективация, порожденная извилистой направленностью духа. Она не само бытие, а качество бытия. Философ размышляет следующим образом. Всякая сущность и смысл существует лишь в духе, а не в материи, которые есть категории объективированного духа. Потому “дух ни есть объект”. Объективация существует как неотделимое состояние подлинного бытия, потерявшего свободу.

Н.А. Бердяев определяет объективацию как социальное царство механических коллективов, как отчужденность в них субъекта, поглощенность личного общим, подавление свободы, господство детерминации и т.п. В результате постоянного проявления этой свободы от мира человек страдает. Страдание – это собственно человеческое состояние, показывающее, что дух человека, хотя и угнетен, не сломлен. Страдание порождает у человека страх, а страх – надежду, тоску. Это не подлинное состояние прерывается лишь смертью.

Объективация как несвобода – результат грехопадения человека, а с ним и окружающего его тварного мира. Реакция Бога на процесс грехопадения двойка. С одной стороны, он оставляет мир, который тотчас становится неодушевленным, ложным, детерминированным; с другой стороны, он не может окончательно отказаться от своего творения и дает ему шанс спасения примером Христа, его жертвенной любовью, возможностью возвращения к Богу через несвободу, страдание, муки, страх. Явление Христа, считает Бердяев, это не только пример Божественной благодати, но и абсолютного человека, т.е. человека, приближенного к Богу, богочеловека. Бога можно принять, только через сына. Нельзя принять Бога, если он не принял на себя страданий мира и человека. Теодицея, таким образом, превращается в христодицею; образ Христа как бы заслоняет образ Бога-творца.

Объективация – одно из основных понятий философии Н.А. Бердяева. Оно рассматривается, как родственное терминам “опредмечивание” и “отчуждение”. В процессе объективации происходит трансформация духа в бытие, вечности – во временное, субъекта – в объект. Объективированный мир не существует как реальность. Истинность и реальность совсем не тождественны с объективностью. Философ размышляет следующим образом. Всякая сущность и смысл существования лишь в духе, а не в материи, которые есть категории объективированного духа. Поэтому “дух не есть объект”. Объективация существует как неподлинное состояние подлинного бытия, потерявшего свободу. Таким образом, объективация представляет собой не обнаружение духа,

его подъем и динамику, а, наоборот, закрытие, обеднение. В результате человек оказывается, как бы, в двойственном положении: как личность он остается носителем “Я”, образа и подобия Бога, как индивид он поработен миром природной и специальной необходимости.

Объективация порождает страдание. Страдание – это собственно человеческое состояние (“я страдаю, следовательно, существую”), показывающее, что дух человека, хотя и угнетен, не сломлен. Личности нет, если нет способности к страданию. Бог разделяет страдания людей. Если Богу приписывается способность любви, то ему должна быть приписана и способность страдания. Страдание порождает у человека страх, а страх – надежду, тоску. Тоска устремлена вверх и обличает высшую природу человека. Человек переживает покинутость, одиночество и чуждость мира. Мысль русского философа перекликается здесь с идеями экзистенциалистов о трагическом положении человека в безучастном, равнодушном к его существованию мире. Жизнь человека не может не сопровождаться с тоской, потому что тоска означает разрыв с мировой данностью, невозможность приспособления к ней, стремление к божественному и полноте жизни.

Жизнь – это чудо и тайна. Чудо – это бесконечность, безграничность человеческого “Я”. Тайна – это скрытность, загадочность человеческой силы. “Я” связано с любого ряда человеческой глубинкой, которую невозможно познать до конца. Суть дела, как считает Н.А. Бердяев, не мыслится от того, относимся ли мы к ней как реальности, источнику беспредельного совершенства и творчества, либо не знаем ее или стремимся отказать от нее, даже если внешние обстоятельства не заставляют этого делать.

Н.А. Бердяев постоянно повторяет, что человек есть существо противоречивое и находится в конфликте с самим собой. Человек не только легко попадает в рабство, но и любит его. Философ выделяет три состояния человека, которые обозначают, как “господин”, “раб” и “свободный”. Господин и раб не могут существовать друг без друга. Свободный же существует сам по себе. Отличительной чертой господина является воля к могуществу. Но воля к могуществу не свидетельствует об избытке силы, отдающей себя людям. Господин есть лишь образ раба, вводящего мир в заблуждение. Он – раб человеческой массы, без которой он не может поднаться. Господин не есть личность, как раб не есть личность, только свободный призван быть царем земли и мира. Свобода предполагает сопротивление, борьбу. Борьба рождает силу. Господин не имеет никакой силы над своим рабом. Сила есть преобразование, просветление. Сила дает динамику, стремление к обновлению.

Господин и раб будут стремиться помешать концу объективации, наступлению царства Божьего - царства свободы и свободных. Но свободные должны готовить свое царство, не только “там”; но и «здесь» и, прежде всего, готовить себя, себя творить свободными. Н.А. Бердяев считает, что

рабы не способны создать нового, так как всегда создают новые формы рабства. Творение господ есть новые формы тирании. Царство Божье достижимо только благодаря свободному творчеству, а свободное творчество предполагает творение в человеке ответа на призыв Бога.

Человек всегда несет в себе, хотя и потенциально, искру Божию: свободу и творчество. Поэтому человек, если он этого хочет, опираясь на них, свободно творит себя, выбирая между добром и злом. В акте творчества человек становится соравен Богу, потому что творчество есть продолжение миротворения. Творчество – это переход из небытия в бытие, творчество из ничего в творчество свободы. В отличие от Бога человек в процессе творения нуждается в материале.

В творчестве есть две разные стороны, два разные акта, и в зависимости от того, на какой стороне творчества мы сосредотачиваемся, мы редко описываем творчество. Есть первоначальный творческий акт, в котором человек как бы стоит перед лицом Божиим, и есть вторичный творческий акт, в котором он как бы стоит перед лицом людей и мира. Бердяев считал, что внутреннее, не выраженное еще открытие и изобретение, ставит человека перед Богом, так как он не занят еще реализацией в мире и для людей. Первичный творческий акт не является искусством. Искусство вторично, и в нем творческий огонь охлаждается.

Вторичный творческий акт, связанный с тем, что человек есть существо социальное, реализация продуктов творчества. В реализации продуктов творчества человек уже связан с миром, зависит от других людей. Творчество, которое есть движение из свободы, должно не только восходить, но и нисходить, и сообщать людям и миру то, что возникло в творческом прозрении, замысле, образе, подчиняется законам материнства.

Творчество, по природе своей, гениально. И человек, как творец, сотворен гениальным существом. Гениальность человека отображает в нем образ Бога-творца. Гениальность не тождественна гению. Бердяев указывал, что гениальность должна быть отнесена к внутреннему творчеству, а не реализации творчества в продуктах. Она есть целостное качество человеческой личности, а не специальный дар. Гениальность показывает, что творческий процесс человека первороден, а не определен социальными наслоениями. Соединение гениальной натуры и первородного творческого процесса с талантом реализации творчества в продуктах и образует гения.

Творчество не эгоистично. Творец в своем творчестве забывает о своей личности, о себе. Творчество носит личный характер и вместе с тем оно есть забвение личности. При эгоистической направленности, как показал русский философ, нельзя вообразить и представить мир лучший. Творчество предполагает подъем человека над своими слабостями к высшей жизни. Именно в творческом опыте раскрывается, что “Я”, субъект, первичнее и выше, чем “Не Я”, объект.

Творчество трагично, поскольку в нем наблюдается несоответствие творческого замысла и воплощения в продуктах творчества, которые всегда ниже замысла. И все же творчество в противоположность эволюции, которая основана на детерминизме, нисходит из свободы; в нем незавершенный мир продолжает твориться.

Творчество не всегда бывает истинным и подлинным, оно может быть ложным. Человеку свойственно и лжетворчество. Человек может давать ответы не на призывы Бога, а на призыв Сатаны. Природа человека греховна, поэтому творчество человека может вести не к созиданию, а к разрушению. Подлинное творчество – это героический прорыв к свободе, к иному миру, к Богу.

Творчество осуществляется во времени и смысл ему задается конечным результатом. Оба понятия “время” и “конец” важны. Говоря о них, Бердяев рассуждает эсхатологически: если все существующее конечно, то творчество преодолевает конечное, выходит за его пределы; в противном случае множится дурная бесконечность конечного существования. Творчество имеет в идеале вечность и преодолевает смертоносный поток падшего времени, разорванного на прошлое, настоящее, будущее. Но вечность означает не бесконечность времени, а качество, преодолевающее время. Иначе и быть не может, поскольку нельзя принять идею бесконечного прогресса в истории.

Такой прогресс означал бы, что каждое поколение людей было бы с неизбежностью средством для последующего поколения, что обесмысливает историю. Смысл же истории дает признание ее конца, эсхатология. Пока же история длится, в ней возможна прерывность (например, в кризисах), которая свидетельствует о неудачах всех исторических замыслов и осуществлений.

Личность испытывает постоянную тиранию общества, в этом заключается трагедия ее жизни. Не личность есть часть общества, а общество есть часть личности, оно выступает как безличная сила, противостоящая человеку. В осмыслении этого трагизма суть социально–философской позиции Н.А. Бердяева. Итак, общество – часть личности, власть его ограничивают право и свободу человека. Общество – результат объективации общественных отношений, и его реальность определяется реальностью человеческого общения. В обществе “Я” может не встречаться с “ты” и не стать “мы”.

Но реальность “Мы” нисколько не дает права признавать примат общества над человеческой личностью.

Н.А. Бердяев указывает на необходимость различения «коллективизма и коммюнитарности. Коллективизм не хочет знать живого отклонения человека к человеку, он знает лишь отклонение человека к обществу, к коллективу. Коллективизм – орудие господства, и за ним скрыта воля к могуществу, он не признает ценности личности. Коммюнитарность же есть духовное качество людей, братство в отношениях людей и она совсем не означает какой-то ре-

альности, стоящей над людьми и ими командующей. Религиозная коммюнитарность, по мнению Н.А. Бердяева, есть соборность, которая противоположена всякому авторитарному пониманию церкви. “Мы” в соборности не есть коллектив. Соборность есть внутреннее духовное общество, стоящее за внешней церковностью, общество таинственное, состоящее из живых и мертвых, соединенное любовью Христа. “Коллективизм есть однопалатность. Он идет не к преобразению этого мира в Царство Божие, а к утверждению в границах этого мира Царства Божия без Бога, а значит, и без человека, ибо Бог и человек неразрывно связаны” [1, с. 333-334].

Человек ближе всех иных творений к Богу. Значит, «место в мире» ценно и божественно закреплено за каждой личностью. Своей жизнью, своим делом, своей душой и телом каждый служит Богу. Любить, стремиться к истине, творить добро – значит уже быть детьми божьими, включать дух в себя, иметь в себе Царство Божие. Царство Божие внутри нас – наша внутренняя свобода и ответственность, внутренний суд совести, а не внешнего закона, принуждения. Одухотворяясь, имея Царство Божие внутри себя, человек избавляется от своей плотной частичности, приобщается ко всеобщности, к абсолюту.

Н.А. Бердяев – оптимист и верит, что человечество не только должно, но и может возродиться на основе душевного возрождения. Высшее общественное устройство названное философом персоналистическим социализмом, должно, по его мнению, соединить при своем устройстве два принципа: аристократический, утверждающий качественные характеристики личности, и демократический, утверждающий социалистический принцип справедливости и братского сотрудничества людей.

Библиография

1 Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А.Бердяев. — М.: Республика, 1993. — 383 с.

Поступила в редакцию 26.06.2001 г.